

Р.Ю. Виппер

**Общественные учения и исторические теории
XVIII и XIX вв. в связи с общественным
движением на Западе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Р11

P11 **Р.Ю. Виппер**
Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе / Р.Ю. Виппер –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 212 с.

ISBN 978-5-458-54307-1

ISBN 978-5-458-54307-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Вступленіе. „Новая наука“ Вико.

Цѣль предстоящихъ очерковъ—подойти къ объясненію общественныхъ ученій и историческихъ теорій XIX вѣка путемъ характеристики главныхъ системъ соціальной и исторической мысли двухъ послѣднихъ столѣтій, по возможности намѣчая условія, въ которыхъ эти системы возникли.

Историческая теорія мы будемъ разсматривать при этомъ не въ ихъ связи съ технико-методическими пріемами и специальными изслѣдованиеми матеріала, а общественные ученія не какъ практическія программы въ партійной и политической жизни. Тѣ и другія будутъ занимать нась, какъ двѣ опредѣленныя стороны общаго міровоззрѣння. Въ этомъ отношеніи между тѣми и другими существуетъ самая тѣсная и несомнѣнная связь. Общественные ученія и историческая теорія образуютъ двѣ формы одного и того же интереса, одного и того же запроса. Всякое общественное ученіе исходить отъ впечатлѣній, данныхъ существующимъ порядкомъ, отъ оцѣнки его; впереди оно рисуетъ извѣстный идеалъ, а въ прошломъ предполагаетъ такія начала, изъ которыхъ могла или должна была сложиться организація, пригодная къ достижению этого идеала. Поэтому, когда общественное ученіе ставить цѣли въ будущемъ и оправдываетъ ихъ, когда оно критикуетъ настоящіе порядки или объясняетъ, чѣмъ они держатся, оно уже заключаетъ въ себѣ историческую теорію.

Съ другой стороны, общая историческая теорія никогда не есть одно созданіе ученаго любопытства или желанія держать въ порядкѣ общественный архивъ. Въ ней всегда стоитъ живой вопросъ: правиленъ или нѣть, крѣпокъ или нѣть общественный строй переживаемой эпохи? Устанавливая законъ для прошлаго, историческая теорія силою вещей выскazывается о предстоящемъ. Эти вопросы и решенія—вовсе не принадлежатъ къ исторической теоріи; въ нихъ—ея жизненный первъ, ея главная побудительная сила.

Всякая общая историческая теорія есть критика и оцѣнка современного ей общества. Обратно, всякое толкованіе живого общественнаго

строя, т.-е. всякое общественное учение, должно выстроить себѣ исторические подмостки, должно истолковать и прошлое. Но нельзя сказать, чтобы каждое поколѣніе приносило съ собой совершенно новый планъ работы. Общія представленія болѣе живучи, они образуютъ болѣе широкія полосы, чѣмъ трудъ одного поколѣнія. Элементы ихъ медленнѣе слагаются и медленнѣе исчезаютъ. Идейная среда, въ которой мы живемъ и которой мы подчинены, шире, чѣмъ та, какую мы привыкли непосредственно чувствовать кругомъ себя.

Вотъ почему, въ изученіи элементовъ общественного и исторического міровоззрѣнія XIX в., необходимо захватить еще вѣкъ назадъ, присоединить XVIII вѣкъ. Обратившись къ рубежу XVII и XVIII столѣтій, мы пачнемъ тамъ, гдѣ возникаетъ сама наша терминология общественной и исторической науки; мы встрѣтимся съ постановкой вопросовъ, близкой къ нашей, мы можемъ говорить, до известной степени, какъ бы съ нашими современниками, съ людьми, похожими на настъ по своимъ запросамъ, тревогамъ и унованіямъ. Моментъ, на которомъ придется остановиться, былъ сильный и оригинальный; не даромъ крупнейший научный инициаторъ эпохи, о которомъ дальше пойдетъ рѣчь, Джанбатиста Вико, назвалъ свой методъ, свою систему фактовъ «новой наукой». Эта новая наука была наша историческая наука.

Что такое раньше была исторія для школъ, для сознанія интеллигентныхъ классовъ? Были многія исторіи, но не было одной исторіи. Была исторія священная и свѣтская, исторія греческая и римская, исторія церкви, имперіи и т. д. Это были группы, системы свѣдѣній, чисто описательныя, и онѣ играли роль дополнительную, пояснительную. Исторіи состояли въ вѣдомствѣ филологіи, и ихъ данные заучивались, поскольку могли пригодиться для толкованія древнихъ писателей, отцовъ церкви и т. п. Для тѣхъ, кто спрашивалъ о ходѣ цѣлаго, исторіи были задвинуты въ параллельные ряды и нанизаны въ одну цѣпь. Тому служили готовыя старинныя рамки: ихъ извлекали изъ Данілова пророчество о четырехъ всемирныхъ монархіяхъ, послѣ которыхъ долженъ наступить конецъ міра. Такъ какъ конецъ міра все не наступалъ, то рубрика послѣдней монархіи, римской, непомѣрно растянулась, и внутри нея господствовалъ большой хаосъ.

Во второй половинѣ XVII в. одинъ филологъ предложилъ различать въ историческомъ прошломъ три периода, сообразно судьbamъ общечеловѣческаго научно-литературнаго языка, т.-е. языка латинскаго: время чистой латыни—древность, время потемнѣнія и варварской латыни послѣ паденія Римской имперіи, и время возрожденія чистаго языка древнихъ въ школѣ гуманистовъ. Къ такому раздѣленію очень подошло любимое сравненіе филологовъ, сопоставлявшихъ жизнь человѣчества съ возрастами человѣка; второй периодъ получилъ название средняго возраста,

или средняго вѣка. Вотъ начало нашего дѣленія на Древность, Средніе вѣка и Новое время.

Новое филологическое дѣленіе давало вѣшнюю привязку, но не вносило общаго освѣщенія въ судьбы прошлаго. Для общественной мысли исторія могла оставаться мертвой грудой. Существовало насмѣшилivoе или пренебрежительное отношение къ ней, какъ къ нескладному хранилищу мелочей, именъ, оторванныхъ анекдотовъ, неправдоподобныхъ эпизодовъ, противорѣчивыхъ извѣстій. Кто искалъ точнаго метода, яснаго знанія, тотъ склонялся къ изученію физико-математическихъ наукъ. Вотъ какъ выражался обѣзученіи исторической жизни прошлаго вождь этого научнаго направлениія, Декартъ: «Зачѣмъ отдавать столько времени на языки (древніе) и на старыя книги съ ихъ исторіями и баснями? Вѣдь бесѣда съ людьми прежнихъ временъ все равно, что путешествія. Хорошо поѣздить и посравнить, чтобы пріобрѣсти здравое мнѣніе о порядкахъ и обычаяхъ своей страны и не находить смѣшнымъ и глупымъ того, что не похоже на наше. Но если многоѣздить, подъ конецъ станешь чужимъ въ своемъ отечествѣ и, если очень увлекаться тѣмъ, что было въ прошлые вѣка, останешься во многомъ невѣждой относительно современности. Кромѣ того, басни настаиваютъ на многомъ, что невозможно, да и самые надежные исторические писатели измѣняютъ и преувеличиваютъ значеніе обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе интересными для чтенія».

Здѣсь сказывается не одно только отвращеніе къ «старымъ книгамъ и баснямъ»; съ нимъ соединяется сомнѣніе, чтобы не сказать, отрицаніе самой возможности исторической науки. Много значила та тяжелая форма, въ которой предлагались результаты пзученія прошлаго. Вотъ какъ выражался обѣзучености своего времени Болингброкъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ юмовъ начала XVIII в., набросавшій въ непринужденной свѣтской бесѣдѣ рядъ замѣчательныхъ мыслей о задачахъ исторіи: «Я бы готовъ лучше смышивать Дарія Кодомана съ Даріемъ Гистаспомъ и провиниться въ столькихъ хронологическихъ ошибкахъ, сколько когдалибо дѣлалъ еврейскій хронологъ, чѣмъ употребить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хламъ, наполняющій голову зна-тока древностей».

Большая доля этого отвращенія къ исторіи была вызвана протестомъ противъ школьнаго классицизма, въ офиціальномъ вѣдѣніи котораго состояла исторія. Въ концѣ XVII в. во Франціи и Германіи передовые люди отрицали пользу воспитанія на устарѣлыхъ образцахъ, извлеченныхъ изъ жизни погибшаго міра; они были проникнуты слишкомъ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ своего времени, о его крупныхъ научныхъ, художественныхъ и общественныхъ успѣхахъ, чтобы идти въ школу къ отставшей, какъ бы неоконченной цивилизаціи древнихъ.

Въ знаменитой «Параллели древнихъ и новыхъ» аббата Перро (1692 г.), авторъ иронизируетъ: нападеніе на древность затрагиваетъ цехъ ученыхъ, которые могутъ потерять весь авторитетъ; это все равно, какъ если бы предложить понижение цѣнности монеты людямъ, у которыхъ все владѣніе въ капиталѣ и нѣтъ ни одной пяди земли». Перро продолжаетъ въ безцеремонномъ тонѣ: «Гимназіи много содѣствовали обогативенію древнихъ; тамъ только и дѣлаютъ, что хвалятъ классиковъ, а потомъ уже дѣйствуетъ привычка». «Привыкли мы,--- добавляетъ онъ,—и вообще слишкомъ переносить понятіе объ умственномъ и нравственномъ совершенствѣ на отдаленное прошлое, видѣть тамъ счастье и добродѣтель».

Подъ тяжесть этихъ нападокъ подпала исторія, материа́ль которой главнымъ образомъ сводился къ знанію древности. Въ этомъ материа́льѣ чувствовались хаотичность и утомительная нестрота; данный исторіи производили впечатлѣніе господства цикаго случая, безтолковаго нагроможденія, въ которомъ не разобралась и, пожалуй, не въ состояніи будетъ разобраться организаторская рука; все это вмѣстѣ съ закрадывающимся скептицизмомъ могло дать пищу пессимистическому взгляду на прошлое человѣчество. Двѣ мысли смышивались въ этомъ пессимизмѣ: отчаяніе найти какой-либо выходъ, нить истины среди пусторѣчной, какъ казалось, иеясной и лживой лѣтописи прошлаго и горькое чувство къ самому прошлому.

У одного писателя начала XVIII в., трактовавшаго о «примѣненіи исторіи», есть такая рѣзкая фраза: «исторія знакомить насъ съ человѣческимъ тщеславіемъ и лживостью; мы узнаемъ не то, что дѣйствительно было, а лишь человѣческія мнѣнія о происшедшемъ».

Настроеніе это ярко и въ болѣзnenной формѣ отражается на оригинальнейшей фигурѣ ученопублицистического міра конца XVII в., Пьерѣ Бэль. Бэль—безпокойный искатель, мучившій и раздражавшій себя и другихъ вѣчнымъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ; человѣкъ, полный живыхъ запросовъ и задыхавшійся въ массѣ мелочного, антикварнаго материала. Его знаменитый «Исторический и критический словарь» представляетъ характерное столкновеніе педантической, неорганизованной учености, путающейся въ мелочахъ, вмѣстѣ съ жаждой исканія общаго смысла, съ постановкой общихъ научныхъ цѣлей въ исторіи. Критика Бэля не глубока: позади крупныхъ историческихъ именъ, позади обманчиваго паѳоса въ историческихъ изображеніяхъ онъ умѣеть открыть лишь личные, часто низменные мотивы; онъ не схватываетъ глубокихъ пружинъ, основныхъ соціальныхъ факторовъ; но при тѣхъ данныхъ, которыми располагала наука его времени, онъ не въ силахъ былъ углубить свою критику, а между тѣмъ онъ долженъ былъ по своей натурѣ, онъ не могъ не рыться, не подкапываться, не встряхивать историче-

скихъ свидѣтельствъ; онъ не могъ не обнаруживать въ сотый, тысячный разъ ихъ несостоятельности и противорѣчивости.

По временамъ Бэль приходитъ въ отчаяніе отъ этого зрелища и отъ результатовъ своей работы и у него вырываются злые признанія. Ему нравится заглавіе всемирной исторіи одного изъ раннихъ христіанскихъ писателей (Орозія): «О ничтожествѣ человѣческомъ». «Вотъ настоящій заголовокъ для исторіи вообще», говоритъ онъ. Исторія въ духѣ оптимизма противна ему: «это—все равно, что патріотическая ложь, изображающая только собственныея побѣды». Бэль видитъ, наконецъ, въ исторіи сплошное опроверженіе той идеи, что судьбами человѣческими руководитъ Промышленіе: на землѣ, очевидно, иѣть награды добрымъ и возмездія злымъ. «Доводовъ иѣть противъ сомнѣнія, остается лишь надѣяться на благость св. Духа», такъ кончаетъ онъ, близкій къ утратѣ всякой надежды.

Внести въ исторію смыслъ, законъ и разумъ сумѣли не тѣ, кому было поручено попеченіе о ней. Не детальпія ізслѣдованія двинули впередъ историческое пониманіе. Живые запросы къ исторіи исходили въ XVI и XVII вв. изъ среды практиковъ, такъ сказать, самого исторического дѣла, изъ среды юристовъ и политиковъ. Ихъ главныя имена: Макіавелли, Бодэнъ, Гроцій, Гоббзъ. События, подъ вліяніемъ которыхъ сложились ихъ ученія, это—послѣдняя борьба независимыхъ республикъ Италии, соціально-религіозные войны во Франціи, освобожденіе Нидерландовъ, великая англійская революція. Потребность оправдать свою общественно-политическую программу, выработать точныя рациональныя основы будущей политики ставила публицистовъ лицомъ къ лицу съ исторіей. Въ переживаемыхъ переворотахъ, въ смѣнѣ политическихъ формъ они искали опредѣленного закона и послѣдовательности; подъ вліяніемъ кризисовъ они стремились уяснить условія жизни и паденія этихъ формъ. Естественно было съ ихъ стороны искать въ прошломъ аналогій, сравнивать конкретныя историческія явленія, отыскивать въ нихъ типичное, общее, присматриваться къ элементамъ правильнымъ, повторяющимся.

Въ публицистикѣ XVI и XVII вв. возвращается постоянно одна мысль: что общественно-политическая формы имѣютъ свою естественную исторію, что онѣ вытекаютъ изъ иѣкоторыхъ основныхъ свойствъ человѣческаго существа, развиваются подъ вліяніемъ толчковъ, данныхъ виѣшней природой, географическими условіями; что онѣ должны повторяться съ неизмѣнной правильностью тамъ, где образуются вновь сходныя условія.

Гоббзъ ставить будущее общественной науки въ прямую зависимость отъ открытія точныхъ законовъ, равныхъ математическимъ. Онъ думаетъ больше. «Если бы взаимоотношенія человѣческихъ поступковъ могли быть опредѣлены съ тою же увѣренностью, какъ и количествен-

ные отношения геометрическихъ фигуръ,—честолюбіе и жадность стали бы безоружны, такъ какъ ихъ могущество опирается лишь на ложныя возврѣнія о правѣ и неправдѣ, и родъ человѣческій сталъ бы пользоваться непрерывнымъ миromъ, который не нарушался бы никакой борьбой».

Въ политическихъ буряхъ XVI и XVII вв., въ борьбѣ короны и со-словій выдвинулся вопросъ о предѣлахъ принудительной власти и о правахъ личности въ общественномъ союзѣ. Въ разсужденіяхъ по этому поводу обращали вниманіе на то, что организація власти, устройство общества ясно отражаютъ въ себѣ сознательную работу людей, обнаруживающіе много искусственности. Спрашивалось, какъ согласовать эти искусственные элементы съ тѣмъ, что вложила въ людей природа, съ ихъ естественными свойствами и влеченіями? Происходитъ ли въ культурно-политической средѣ нарушеніе естественного закона или его дальнѣйшее развитіе и приложеніе?

Вопросы эти, живо волновавшіе общество во второй половинѣ XVII в., такъ или иначе выдвигали историческую тему, именно проблему о раннемъ первобытномъ состояніи людей. Надо было прежде всего опредѣлить, что такое «естественный человѣкъ», отыскать его вживь, въ конкретномъ видѣ. Материалистъ Гоббзъ выставилъ теорію «человѣка-звѣря». Звѣремъ былъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и это звѣрство кроется въ немъ сейчасъ, въ культурной средѣ и всегда останется, сдерживаемое лишь принужденіемъ, государственнымъ деспотизмомъ. «Когда ты отправляешься въ путешествіе,—говоритъ Гоббзъ,—зачѣмъ ищешь ты спутниковъ, берешь оружіе? Когда идешь спать, зачѣмъ запираешь двери? Если ты такъ поступаешь подъ охраной законовъ и ихъ служителей, не очевидно ли отсюда, какое мнѣніе у тебя о своихъ согражданахъ, сосѣдяхъ, домочадцахъ? Ты именно предполагаешь наличность естественного состоянія». Гоббзу возражали, что доля того сдерживающаго начала, которое онъ приписываетъ искусственной силѣ, принадлежитъ природѣ человѣка и была въ человѣкѣ ранней первобытной эпохи; следовательно, известная доля свободы необходима. Историческій вопросъ былъ здѣсь тѣсно связанъ съ соціально-политическимъ.

Въ этомъ спорѣ надо обратить вниманіе на одну черту, которую можно было бы назвать реализмомъ изслѣдованія. Мѣсто богословскихъ цитатъ, отвлеченныхъ формулъ, взятыхъ у римскихъ юристовъ, заняли ссылки на типическія явленія окружающей политической и культурной жизни; въ нихъ стремились путемъ внимательного изученія прочитать неясныя очертанія ранней поры и пройденного съ тѣхъ поръ развитія. Рядомъ съ этимъ въ фактическомъ материалѣ важное мѣсто заняло изслѣдованіе быта современныхъ дикарей, особенно Америки, въ качествѣ живыхъ представителей первобытнаго естественного состоянія.

Мы уже на порогѣ «Новой науки» Вико, но нужно отмѣтить еще

одну черту эпохи. Люди, возсоздавшие путемъ самостоятельного анализа картину начала человѣчества, обнаруживали большую смѣлость критической мысли. Писанное слово, покрытое именемъ классического ритора или философа, не оказывало на нихъ болѣе чарующаго впечатлѣнія, не казалось имъ гравированнымъ памятникомъ. Пробудилось сознаніе нетвердости всей этой традиціи, наивности ея, паличности въ ней вымысла и догадки, съ которой рядомъ можно поставить вѣдь и свою догадку; сознаніе это характеризуетъ отношеніе передовыхъ слоевъ общества ко всей старой литературѣ, которую твердили въ школахъ и изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ которой сшивали безконечно и неутѣшительно тягучую ткань. Образованный человѣкъ конца XVII в. выросъ выше сказокъ о римскихъ царяхъ и анекдотовъ о греческихъ тиранахъ и законодателяхъ и онъ готовъ былъ выкинуть изъ пауки вовсе эту дѣтскую забаву, пожертвовать фиктивнымъ знаніемъ о раннихъ вѣкахъ, начинать съ достовѣрныхъ позднихъ временъ, чтобы построить реальную картину исторического развитія.

Много живыхъ запросовъ было поднято въ области общественно-исторической мысли въ концѣ XVII в. и къ нимъ приступали съ большою смѣлостью анализа и критицизма. На этой почвѣ выросла удивительная книга неаполитанскаго юриста-философа Джанбатиста Вико, вышедшая въ 1725 г. подъ заглавіемъ «Новая наука».

Ближайшая обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать этой богатой, творческой головѣ, была очень невыгодной. Въ эпоху жизни Вико (род. 1668 г., ум. 1744 г.) Италия была одной изъ отсталыхъ странъ Европы. Въ ея искусство и литературу господствуетъ тусклое подражательное направление, наклонность къ вульгарной или педантической реторикѣ. Политическая среда Италии, особенно Неаполя, далека отъ борьбы крупныхъ принциповъ. Въ наукѣ преобладаетъ модное картезіанство, философія, которая обѣщала простой и точный методъ, исходила отъ довѣрія къ личному сознанію, къ разсудку человѣка, какъ силѣ ясной и безусловной; она какъ бы ставила человѣка сразу на опредѣленный путь, не отвлекая его вопросомъ о томъ, какъ складывается, на чёмъ держится наше сознаніе, она предлагала ему на выборъ ту или другую специальную область, гдѣ оставалось лишь примѣнять опредѣленные приемы.

По мнѣнию Вико, въ этомъ печальномъ суженіи культурнаго сознанія погибъ тотъ всесторонне одаренный и развитой человѣкъ, какимъ былъ въ свое время греческій философъ, заключавшій «въ самомъ себѣ цѣлый университетъ», или какимъ былъ многоопытный въ жизни римскій юристъ-практикъ.

Самъ Вико—одна изъ тѣхъ натуръ, которыхъ въ своей глубокой внутренней жизни способны проникаться далекой традиціей, а съ другой

стороны, чутко отзывающиеся на общие вопросы эпохи, поднимающие ихъ надъ ближайшей средой. Какъ юристъ, Вико сильно заинтересовался публицистикой XVII в.; подъ ея влияниемъ онъ уже не могъ удовольствоваться логическимъ истолкованiemъ и нанизываниемъ принциповъ права; онъ хотѣлъ понять формы права въ связи съ общественно-политическими переворотами, которые вызываютъ эти формы къ жизни, онъ искалъ въ правѣ выраженія и закрѣпленія успѣховъ общественного разви-
тия. Въ Вико есть и черты старого гуманизма съ его непосредственнымъ чутьемъ древней жизни и литературы; въ эпохѣ господства реторическихъ книжекъ и плоскихъ обработокъ онъ точно сохранилъ истинный кладъ старинной славы Италии, еще покрытой сотней обломковъ античной культуры и словно озаренной ея солнцемъ. Наконецъ, въ немъ есть черты мистицизма, его богатое воображеніе какъ бы способно переходить въ иророческія видѣнія; эта сторона духовнаго склада Вико сближаетъ его съ католическими фантузіастами прежнихъ временъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она привела его къ поэтической философіи Платона.

Вико не могъ принять господствующей философіи своего времени. Область знанія, доступная точнымъ вычислениямъ, открыта разсудку отдѣльного человѣка, по его мнѣнію, тѣсна и ограничена. Но она окружена обширной областью вѣры, областью таинственного и неуловимаго, областью вѣроятнаго. Эта область стоитъ передъ нами въ своихъ символахъ, въ безконечныхъ комбинаціяхъ вещей, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ человѣческихъ отношеній. Въ свою очередь эти символы и знаки кажутся Вико отраженіями безконечно прекраснаго вѣчнаго міра идей, по образу которыхъ складывается земная жизнь.

Смыслъ явлений въ области вѣроятнаго, эта болѣе глубокая, хотя и болѣе смутная истина, не открывается прямымъ и механическимъ вычислениемъ. Такіе приемы—«оковы для духа, привыкшаго пробѣгать безграничное поле общихъ идей». Творческія силы человѣка далеко не ограничиваются предѣлами того, что ясно сознается. «Подобно тому, какъ Богъ—гений міра», говоритъ Вико, «такъ человѣческий гений—богъ въ человѣкѣ. Не случалось ли вамъ въ порывѣ сильной воли совершать дѣла, которымъ вы послѣ изумлялись и которыя вы склонны были скро-
рѣе приписать Богу, чѣмъ самому себѣ?» Личный разсудокъ, представлennyй самому себѣ, лишь разъединяетъ людей. Истинная мудрость, а потому и движущій въ человѣческомъ мірѣ факторъ, заключается въ обществѣ, въ народной массѣ, въ колективной жизни, въ инстинктѣ группы, который есть несознанный разумъ.

На этой мысли основаны юридическая работы Вико: онъ хочетъ открыть въ правѣ выраженіе народнаго духа. Эта мысль указываетъ задачу и его великому и послѣднему труду, «Новой наукѣ». Вико хочетъ раскрыть въ общей природѣ народовъ, въ ихъ однородномъ культурномъ

достояніи вѣчныя начала общежитія и вѣчныя основы права. Если мы встрѣчаемъ у народовъ, не знаяшихъ другъ друга, сходныя понятія, формы языка, миѳы, обычаи, то здѣсь заключено доказательство и выраженіе великаго общаго факта. Это значитъ, что «идеальная исторія» начертана впередъ и составляетъ великий планъ Божій, по которому все развивается въ человѣческомъ мірѣ. Иначе говоря, Провидѣніе дало «общинѣ человѣческаго рода» неизмѣнныя законы. Поэтому изученіе исторической жизни Вико называетъ, со свойственной ему патетической терминологіей, «гражданскимъ и разсудочнымъ богопознаніемъ».

Но высшая воля не вмѣшиваетъ непосредственно въ ходъ вещей. Единственное чудо міра и чудо изъ чудесъ, это—неуклонное дѣйствіе тѣхъ силъ, изъ которыхъ слагается общество и которыя лежать въ глубокихъ основныхъ человѣческихъ свойствахъ. Божественная воля лишь создаетъ общія необходимыя отношенія, даетъ общій первоначальный толчокъ. Само общество есть продуктъ человѣческой работы. Всѣ общества идутъ по одному пути: гдѣ и сколько бы разъ ни началась исторія, она всюду и вѣчно будетъ повторять тѣ же формы, пройдеть одинъ и тотъ же кругъ.

Какія же у историка средства познанія этого пути? Разъ соціальный міръ есть созданіе людей, въ умѣ культурнаго человѣка, въ духовномъ наслѣдіи, которымъ онъ располагаетъ, должны были отложитьсь всѣ пройденныя измѣненія, должны были остаться слѣды пережитыхъ эпохъ, настроеній и мыслей. Поэтому, восходя правильнымъ методомъ, можно разскажать себѣ всю исторію прошлаго. «Въ этой исторіи не будетъ ошибокъ, если тотъ, кто участвуетъ въ историческомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ является лицомъ, рассказывающимъ исторію». «Исторія можетъ стать наукой, столь же точной, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ извѣстныхъ величинъ, строить сама себя изъ собственныхъ элементовъ».

Въ этой для насъ нѣсколько необычной формѣ заключена сильная и глубокая мысль. Вико хочетъ сказать, что новыя поколѣнія выстраиваютъ себѣ исторію сообразно своимъ понятіямъ и запросамъ, по своему разумѣнію и жизненнымъ цѣлямъ, въ которыхъ, въ свою очередь, отразился опытъ вѣковъ. Вико убѣжденъ въ томъ, что потребности людей, ихъ свойства по существу остаются тѣ же на всемъ протяженіи исторіи; измѣняется ихъ форма по мѣрѣ постепенного ихъ роста. Мало развитой человѣкѣ живеть воображеніемъ, страстью, жаждой непосредственного удовлетворенія, культурный—разсудкомъ, рефлексіей, онъ приспособленъ и методиченъ. Но между чувствомъ, между безсознательной жизнью раннаго времени и интеллектомъ, сознательнымъ и искусственнымъ строемъ послѣдующей эпохи—органическая связь. Культура есть утилизациѣ страстей, первоначально грубыхъ свойствъ,

«Физика нів'їжди есть первобытная философія». Філософія есть зам'на релігія на ізвѣстной ступени развитія.

Человѣкъ всегда толкуетъ окружающей міръ по себѣ, по мѣрѣ своихъ качествъ и силъ: чѣмъ ниже онъ стоитъ, тѣмъ сильнѣе воображеніе, тѣмъ болѣе окружаетъ онъ себя идеальнымъ міромъ символовъ, образныхъ объясненій. «Невѣжественный человѣкъ строить весь міръ по своему образу и подобію». Задача науки и состоитъ въ томъ, чтобы сквозь маску этой символической, обманчивой, субъективной традиції вѣковъ разгадать истинный и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныя жизненныя условия отдаленныхъ временъ и вообще всѣхъ временъ. Съ этой точки зреїя Вико напечаталъ возможнымъ примѣнить новый методъ къ изученію древности.

Дошедшія до насъ сказанія, исторические романы и анекдоты не даютъ, конечно, картины исторической дѣйствительности. Но они заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сохранившимися формами языка, литературными оборотами, обрывочными слѣдами вѣрованій и обычаевъ, символы пережитыхъ настроений, понятій и бытовыхъ формъ. По этимъ обломкамъ старины—переживаніямъ, какъ мы привыкли говорить,—историкъ можетъ возсоздать прошлое, читая въ переданныхъ знакахъ эпохи идеи и соціальныя состоянія.

Въ развитіи обществъ Вико различаетъ три великия эпохи. Первая изъ нихъ представляется ему дѣствомъ народа, когда зачатки будущихъ культурныхъ потребностей являются лишь въ видѣ грубыхъ инстинктовъ. Проблема ранняго первобытнаго состоянія сильно занимала его, какъ и его современниковъ. Но картина этого состоянія у Вико, въ сравненіи съ догадками юристовъ и политиковъ XVII в., поражаетъ удивительнымъ историческимъ реализмомъ.

Люди ранней эпохи кажутся Вико похожими на гомеровскихъ циклоповъ. Это были крупныя физически существа, великаны, скорѣе звѣри, не отличавшіеся отъ другихъ звѣрей даже выпрямленнымъ положеніемъ на двухъ ногахъ; волосатые, съ гривой, закрывавшей лицо, съ острыми ногтями для защиты и нападенія, они не ходили, а скорѣе ползали и карабкались по кустарнику и терну, покрытые грязью; никогда не поднимали они дикаго мутнаго взгляда вверхъ къ небу; они испускали лишь хриплые, нечленораздѣльные крики. Царь созданія мало отличался отъ самыхъ низкихъ представителей его. Всѣ его данные спали бездѣятельно и выражались лишь въ простой потребности существованія; онъ не имѣлъ ни Бога, ни закона.

Новая жизнь началась, когда впервые люди были поражены ударомъ грома. Вико выставляетъ при этомъ своеобразную космическую гипотезу: образованіе современной атмосферы, облегающей землю—може происхожденія человѣка, и гроза—явление позднее. Страхъ, вызван-